

ББК 87.713.12

*Л.Г. Коваленко*

### **Справедливость как социальный механизм жизнеосуществления человека и общества**

*Ключевые слова:* справедливость, социальный механизм, человек, общество, власть.

*Keywords:* justice, social mechanism, social life, norms of behavior, injustice.

Наступление XXI в. сопровождалось обострением социальных коллизий в обществе, изменением общей картины мира, что актуализировало вечную проблему справедливости, с которой люди соотносят свою жизнь. Этот феномен имеет глубокие исторические корни, и по мере развития человека, его знаний о себе и окружающем мире менялись и представления о справедливости, что нашло отражение в многочисленных литературных и научных источниках, начиная с мыслителей древности. На этом длительном пути формировались разные научные школы и направления, исследующие проблему справедливости во всей ее многогранности.

В настоящей статье рассматриваются подходы, в русле которых исследовалась проблема справедливости с точки зрения социального механизма, и анализируется взаимосвязь организованного политического пространства (власти) и справедливости исходя из ее новой интерпретации. Но прежде необходим исторический экскурс в проблему, так как некоторые аспекты имеют значение в настоящее время.

Достаточно широко понятие «справедливость» рассматривалось в античный период, чаще всего она отождествлялась с законностью, долгом, честью, добром. Платон в работе «Государство» писал, что город справедлив, когда «имеющиеся в нем три сословия делают каждое своё дело», и «справедливость – это то, что пригодно сильнейшему» [1, с. 203, 93]. Аристотель подчеркивал, что «справедливость бывает двух родов. Один из них – соответствие закону... Ведь если справедливость – это то, что велит делать закон, а закон призывает исполнять все добродетели», то справедливость – «это некоторая совершенная добродетель» [2, с. 324]. Интересна в этом плане и позиция Цицерона, по мнению которого «первая задача справедливости в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя на это не вызвали противозаконием, затем в том, что пользоваться общественной (собственностью) как общественной, а частной как своей» [3, с. 63], т.е. первые представления о справедливости в социально-дифференцированном обществе соотносят её с законом, добродетелью и собственностью, последний аспект присутствует в большинстве интерпретаций справедливости прошлого и настоящего. В за-

висимости от отношения к собственности (владение) человек обретал статус и права гражданина.

Представители утопического социализма в существовании частной собственности усматривали причину всех социальных бедствий, полагая, что только распределять «всё поровну и по справедливости, а также управлять делами человеческими невозможно иначе, как вовсе уничтожить собственность» [4, с. 164].

Многие мыслители связывали справедливость с государством, политически организованным обществом, которое, используя закон, обеспечивает возможную в обществе свободу, с одной стороны, а с другой – соответствующий контроль для определения границ этой свободы, подчёркивая, что наиболее дееспособным и справедливым считается то государство, которое способно обеспечить условия для реализации свободы при опоре на сильную власть, а отсюда признание священности и неприкосновенности власти независимо от её устройства.

Главная мысль Ж.-Ж. Руссо заключается в том, что справедливое и отвечающее природе людей государственное устройство должно основываться на общественном договоре, суть которого – полное равенство, действительная свобода и неотчуждаемый народный суверенитет. Для всех граждан создается возможность участвовать в высшей власти через отчуждение личных прав граждан в пользу государства во имя реализации общей воли и приобретения статуса равноправного субъекта общей воли [5, с. 173]. Таким образом, именно государство рассматривается как высшая ценность, выступающая гарантом справедливости и основных благ и жизни граждан.

В период формирования либеральной системы ценностей справедливость связывалась с формой организации власти, с возможностью предотвращения тирании властвующего. Ш. Монтескье писал, что «политическая свобода может быть обнаружена только там, где нет злоупотребления властью...» и «необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» [6, с. 289–290], т.е. речь идет о принципе разделения властей и его институционализации. И соответственно справедлива лишь та форма власти, которая в наибольшей степени обеспечивает гарантию свободы и право собственности. Мыслители XVI–XVIII вв. независимо друг от друга приходят к выводу, что общество – это механизм, состоящий из автономных и способных

к самореализации индивидов (либеральная концепция), а связующими элементами этого механизма являются значимые ценности – справедливость, равенство, закон, собственность.

Значительный вклад в исследование проблемы справедливости внес социологический подход, сформировалось новое направление с точки зрения функционирования социального механизма, регулирующего общественную жизнь, т.е. социальную справедливость следует рассматривать не только как принцип жизнеосуществления, но и как механизм, и в этом плане социальная справедливость есть совокупность социальных институтов, организаций, правовых и моральных норм, обеспечивающих жизнедеятельность общества. Этот механизм выступает и регулятором норм поведения социальных субъектов и индивидов. Такой подход к проблеме справедливости представляется актуальным и в XXI в., так как действие этого механизма направлено на преодоление несправедливости, причем не той, которая несет в себе созидательные моменты (например, неравенство в оплате труда и т.д.). Если этот механизм долго не реформировать, учитывая постоянные трансформации, то возникает его противоположность – механизм разрушения социальной справедливости, т.е. механизм воспроизводства несправедливости.

В каждую историческую эпоху этот социальный механизм, выражающий сущность справедливости, имеет особенности, которые проявляются в его содержании, но есть элементы, составляющие основу данного механизма, – это материально-объективная основа действия механизма; духовные принципы и нормы, выражающие «душу» народа; права человека и законы. Поэтому, анализируя справедливость как социальный механизм, необходимо рассматривать прежде всего сферу социальных отношений, здесь имеет значение статус социальных групп, его изменение. Именно эта сфера наиболее ярко отражает основные преимущества и недостатки занятого каждой общественной группой положения – системы устойчивых социальных связей, способность какой-либо социальной группы присваивать труд другой. Поэтому имеет значение и совокупность категорий, выражающих сущность вышесказанного.

В теории и практике широко используются такие понятия, как «социальное положение», «место в социальной структуре», «социальный статус» и т.п. Социально-бытовая обеспеченность каждой социальной группы подвержена социальным изменениям, поэтому, естественно, необходимо рассматривать и трансформацию социальной структуры на каждом этапе развития общества.

В социально-бытовом плане уровень жизни понимается как совокупность нескольких групп показателей: материальная обеспеченность, качество питания, жилищные условия, качество социальных

услуг, состояние здоровья, экологическое благополучие и т.п. Взаимозависимость и взаимодействие социальных групп по этому поводу – наиболее существенная составляющая в механизме социальной справедливости (МСС). Можно выделить некоторые элементы содержания данного механизма:

1. Граждане, социальные группы, опираясь на демократическое законодательство, принимают участие в управлении сферой социально-бытовых отношений: в подготовке, принятии, выполнении и корректировке реализуемых решений (например, создание кондоминиумов, институт мировых судей, женсоветов).

2. Получение информации, обретение и проявление умения и навыков социально-бытовой деятельности.

3. Многообразие форм собственности. Эта составляющая МСС проецирует социальную справедливость, прежде всего в сферу экономики. Здесь исходным пунктом исследования является вопрос о собственности, т.е. о взаимозависимости социальных групп по поводу использования и умножения собственности, выражающейся в отношениях владения, использования и распоряжения, присвоения, распределения и потребления. На каждом этапе развития общества этот механизм имеет свои особенности. Например, СССР – Россия. Так, справедливость экономической жизни социализма рассматривалась через осуществление различными социальными группами роли субъектов собственности на средства производства, с конца 80-х гг. в СССР уже рассматривается и частично реализуется положение о необходимости усложнения структуры собственности за счёт роста разнообразия кооперативных форм, аренды, создания СП, а в России 90-х гг. уже формируется частная собственность, которая закрепляется в Конституции РФ 1993 г., в том числе и собственность на землю (очень «больной» вопрос). Таким образом, меняется и содержание механизма социальной справедливости. Принципиальное значение приобрел вопрос о формировании механизма овладения и умножения собственности, преодоления ее «ничейности» или бюрократической принадлежности, в которой скрыты элементы эксплуатации. В условиях деформации социализма усиливалось отчуждение трудящихся от собственности, практически исчезает контроль за тем, кто и как распоряжается ею (в начале 90-х гг. в России, как на дрожжах, растут огромные состояния отдельных лиц и групп), растёт сектор теневой экономики. Налицо забвение принципа социальной справедливости и сбой в МСС.

И здесь актуализируется проблема информированности населения, соответствие законов новой системе отношений; системе социальных ценностей, определяющей поведение субъектов в экономической сфере (например, в советский период важный механизм – соревнование; в России в рыночной экономике – механизмы конкуренции, экономической эф-

фективности, ценообразования, налогообложения, контракта, обмена и т.п.).

В этом плане представляет интерес генетическая теория справедливости Нозика (70-е гг. XX в.), подчеркивающего, что люди имеют право завладеть собственностью, которая никому не принадлежит (принцип справедливого приобретения) и добровольно обмениваться ею с другими (принцип справедливой передачи), оба принципа определяются механизмом законности, т.е. люди получают собственность на основе законных методов (справедливое распределение) и законно могут обменивать ее на любую другую собственность, могут подарить ее. Но никто не может отбирать собственность другого человека без его согласия, а если подобное происходит, то нарушается механизм законности (справедливости), что неизменно повлечет за собой нарушения во всей системе жизнеосуществления человека [7, с. 81].

Многие представители распределительно-правового направления рассматривают феномен справедливости сквозь призму отношений обмена и потребления, то есть через взаимодействие участников социального общения, что также выражает сущность справедливости как социального механизма, включающего каждого человека в процесс социального взаимодействия в «соответствии с его местом, социальным положением и ролью в обществе, результатами социально полезной деятельности» [8, с. 82]. Главная функция справедливости как социального механизма состоит в создании адекватных условий для накопления, укрепления и реализации жизненных сил человека (ЖСЧ) и общества. Социальный механизм управляет воспроизводством всех видов общественных отношений, что соответствует новому подходу к проблеме, а именно через анализ категории «жизненные силы человека» в рамках новой виталистской парадигмы, которая активно разрабатывается учёными-социологами, в том числе и АлтГУ – М.Я. Бобровым, С.И. Григорьевым, Ю.Е. Ростовым и др. В исследованиях ключевым является вопрос о новых способах выживания, жизнеосуществления человека, формирования нового способа образа жизни, характера взаимодействия со средой обитания.

В основе виталистской парадигмы – концепция жизненных сил человека, которая по-новому рассматривает взаимодействие жизненных сил (ЖС) и жизненного пространства бытия человека. Жизненные силы – это «способность людей воспроизводить и совершенствовать свою жизнь в определенных условиях, в конкретно-историческом и социокультурном пространстве» [9, с. 100]; «индивидуально-личностными и организационно-коллективными средствами» [10, с. 223]. Данное определение включает категории индивидуальной и социальной субъектности, которые являются основными элементами содержания категории жизненных сил и выражают

связь двух типов условий существования представлений о справедливости, действия по их реализации могут упрочить или ослабить ЖС субъекта. «Жизненное пространство – это среда обитания человека, позволяющая ему воспроизводить и совершенствовать свою жизнь, совокупность элементов, составляющих естественную и социокультурную основу воспроизводства жизни человека как биопсихосоциального существа» [11, с. 45].

В результате взаимодействия ЖСЧ и жизненного пространства возникает основа формирования системы общественных отношений, которые определяются экономическими, политическими, социальными факторами и конкретно-историческими условиями жизни людей. В русле виталистской социологии особое значение приобретает также интерпретация справедливости как социального механизма, регулирующего все многообразие отношений в рамках жизненного пространства и включающего каждого человека в процесс социального взаимодействия, и механизма осуществления субъективной роли различных типов социальных субъектов, отражающего взаимодействие ЖС и условий обеспечения жизни, а также степень вовлечения субъекта в их развитие и умножение как условия реализации жизнедеятельности каждого социального субъекта, т.е. реально этот механизм представляет взаимодействие социальных групп по поводу удовлетворения их потребностей поддержания жизнеобеспечения и осуществления субъектной роли.

Виталистская парадигма, учитывая особенности взаимодействия ЖС и жизненного пространства, расширяет спектр основ социальной жизни, индивидуальной и социальной субъектности, и соответственно меняет угол зрения на движущие силы развития, систему управления, на все подсистемы общества, в том числе на политическую систему и политический процесс. Справедливость как социальный механизм управляет воспроизводством всех видов социальных отношений, в том числе и политических. В этом плане в новом облике выступает власть: она защищает и заботится через нормирование, именно ее институты формируют законодательную базу, регламентирующую ЖСЧ и его жизненное пространство. При этом человек вовлекается в потребительские практики, осуществляя свою потребность в справедливости, поскольку потребление распространяется на все сферы и тем самым человек усиливает (или ослабляет) свои жизненные силы и расширяет (или сужает) своё жизненное пространство, оказывая определённое воздействие на политический процесс. Граждане при этом обретают реальное право на свободу объединений, собраний, выражения свободы совести, слова, печати, а также подотчетную гражданскому контролю государственную власть. Они хотят, чтобы глава государства и законодательный корпус определялись

путем свободных и честных выборов, а это предполагает равные возможности для ведения избирательной кампании, честное голосование и подсчет голосов, т.е. избиратели стремятся наделить своих выборных руководителей реальной властью, которую те заслужили в рамках соревновательного и честного избирательного процесса. При этом в роли социальных посредников выступают политические партии – это тоже элемент социального механизма, так как именно через партии граждане более полно могут выразить и представить свой интерес, т.е. все и каждый расширяют свое жизненное пространство, создавая оптимальные условия для укрепления своих жизненных сил и реализуя свою потребность в справедливости. Все это актуализирует проблему организации и эффективности власти, ее взаимодействия с гражданином, влияние на условия и способы выживания, жизнеосуществления человека. Для современной России в русле политической реформы это приобретает особое значение. Как уже отмечалось, составной частью жизненного пространства является политическое пространство, имеющее определенные содержательные измерения – физическое, территориальное, функциональное; его границы очерчивают пределы действия политики, зоны распределения власти, доверия лидеру, элите, авторитету политических институтов.

Политическое пространство формирует какой-либо центр политического влияния или власть [12, с. 301]. В каждом политическом локалитете (территориальном или функциональном) существуют собственные возможности для политического участия и волеизъявления населения, складываются свои практики, политические институты, другие организационные параметры политической жизни. Можно сказать, что в одних частях этого пространства складываются интенсивные политические отношения, а в других – конкуренция за власть слабее. Например, в Москве, федеральном центре, принимаются важные для страны решения, сталкиваются позиции правящей и оппозиционной партий, а в регионах, особенно в сельских районах, политическая активность низкая, от случая к случаю, и не влияет существенно на политику властвующей элиты. Точки официального политического напряжения могут не совпадать с официальными центрами власти, но если точки политической активности будут сильно разъединены с официальными центрами государственной власти и не будут иметь достаточной информационной связи, то политическое пространство такой страны становится «рыхлым», и власть не может в полном объеме создавать условия для жизнеосуществления человека, т.е. нарушается связь жизненных сил человека и жизненного пространства. За политическое пространство идет острая борьба, в которой участвуют политические партии, лидеры, элиты, особенно остро конкуренция проявляется на выборах. Это борьба за влияние в обществе, возмож-

ность проводить свою политику внутри государства и вовне, определяя тем самым условия жизни каждого человека. Таким образом, политическое пространство – это материальный ресурс политики и изменения характера политики. Например, демократизация существенно расширяет политическое пространство, обогащает его содержание.

В этом плане интерес представляет Россия. В.Д. Соловей в работе «Россия накануне Смуты» рассматривает две стороны стратегии русской системы власти через реформы и контрреформы, показывая, как это определяет стабильность и социальный порядок и связано с государственной властью, прежде всего самого государства и его лидера. В этих сменах реформ – контрреформ беззащитным был социополитический и культурный порядок, подрывались жизненные силы человека. Особо следует отметить период с начала 90-х гг. XX в., когда хаотизация России достигла пика, что выразилось в кардинальном переделе бывшей союзной собственности, а преобладающим типом околотовластного человека стал «хаот», действия которого оказались разрушительными для страны [13, с. 38–48]. Власть на протяжении многих лет не смогла разрешить ни одного фундаментального противоречия, показав свою неэффективность. Резко снизился социальный статус подавляющего большинства советского среднего класса, ставшего в конце 80-х гг. – начале 90-х гг. ведущей силой антикоммунистической революции; разрушены были структуры повседневности, которые обеспечивали условия психологического комфорта человека; социальная инфраструктура; усилилось социальное давление на общество; увеличился разрыв между преуспевающими верхами и социально поражёнными низами, который имеет территориальную привязку.

О «смутном времени» в России в начале XXI в. писал В.А. Печенев, подчёркивая, что переход к рыночной системе либерального типа привёл к негативным последствиям: экономика не развивается, средняя заработная плата около 200 долларов, 30–35% людей, живущих за чертой бедности, т.е. абсолютное большинство населения живет в условиях, не обеспечивающих социального благополучия [14, с. 158].

Период реформ был к 2006 г. доведен до логического конца. Социальная реформа, запущенная с января 2005 г. под названием «монетизация льгот», «венчает» преобразования начала 90-х гг. Возобладал рыночный фундаментализм не только в экономической, но и в социальной сфере. Для оправдания проводимой политики власть широко использует технологии манипулирования массовым сознанием и волей граждан, особенно в периоды избирательных кампаний.

В известной степени всё вышеобозначенное характеризует властвующую элиту как контрпродуктивную, не способную использовать эффективные технологии, обеспечивающие создание условий для разви-

тия общества и человека, здесь налицо разрыв жизненных сил и жизненного пространства (экономического, политического). Политические реформы 2000–2006 гг. фактически лишили граждан конституционного права избирать своих персональных представителей во власть: главы субъектов РФ назначаются (хотя в законе говорится о рекомендации президентом кандидатуры законодательному органу субъекта), рядовой гражданин, не являющийся членом какой-либо партии, фактически лишается возможности быть избранным в органы власти. Фундаментализм утвердился и в сфере идеологии. Фундаменталистская идеология определяет действия власти, как уже отмечалось, и в социальной сфере, но наука, образование, здравоохранение, культура не могут быть тотально коммерциализированными. Если государство не поддерживает эти сферы, народ становится безграмотным, больным и общество разваливается под грузом социальных проблем. Властвующая элита, исходя из своих корпоративных интересов, и бизнес-сообщества, проводя неэффективную политику, развращают население, способствуют его алкоголизации, деградации, лишают социально-экономических прав (на образование, профессию, жилье и т.п.). Власть не смогла для многих стать гарантом справедливости, законности и порядка. Высокий рейтинг главы государства не распространяется на другие государственные институты.

Это есть еще одно проявление влияния жизненного пространства на жизненные силы. Но диалектика такова, что ослабление жизненных сил общества, которое в политическом пространстве проявляется в политической апатии: абсентеизм, недоверие к власти, правовой нигилизм – всё это оказывает и обратное влияние на качество самой власти, т.е. граждане, игнорируя свои политические права, прежде всего избирательное, дают возможность узкому кругу лиц формировать концепцию власти, определять ее организационную структуру и действовать в своих интересах. Кроме того, очень низок уровень ответственности людей, что затрудняет пользование свободой, закреплённой в Конституции. Сбрасывая с себя бремя ответственности, граждане фактически отрекаются от своей свободы. Ответственность тяжело проявляется как у народа, отдельного гражданина, так и у правительства, партий. Гражданину очень трудно привлечь к ответственности должностных лиц и государственные органы, что также влияет на жизнеосуществление человека.

В настоящее время мир, и Россия в частности, стоит перед необходимостью поиска новых форм и механизмов, которые вернут власть под контроль общества, граждан. Необходимо восстановление в своих правах прямого участия народа в принятии ключевых решений, этому во многом способствует развитие местного самоуправления. Для России это очень важная проблема, требующая совершенствования законодательной базы и соответственно

практики. Кроме того, стоит вопрос о повышении эффективности власти, а именно: совершенствование государственного устройства, включая систему и структуру органов государственной власти, деятельности государственного аппарата; судебной системы, т.е. того, что и составляет содержание политического пространства, определяющего возможности реализации жизненных сил человека и общества.

Справедливость как социальный механизм может работать и в обратном направлении, т.е. нагнетание социальной и политической напряженности в обществе, повышение уровня конфликтности – это следствие нежелания и неспособности власти обуздать процветающую коррупцию, обеспечить реальную защиту прав граждан, т.е. фактически происходит нарушение и даже разрушение жизненного пространства человека, что вызывает протест, недоверие к власти.

Справедливость политического пространства и его организации обращает внимание исследователей на проблемы политического сознания, политического режима, права. Еще Аристотель отмечал, что понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилем справедливости, является регулирующей нормой политического общения. О справедливости или несправедливости политического режима свидетельствует степень распространённости в обществе права на создание политических и общественных организаций, свободы печати, общественных акций. Справедливый политический режим (политическое пространство) обеспечивает реализацию способностей и устремлений граждан, их прав и свобод как субъектов политического процесса, активность их участия в политической жизни, принятии политических решений любого уровня и масштаба, в совершенствовании политического механизма посредством избирательного права. Основные условия утверждения социальной справедливости – демократия и гражданская инициатива. Представления о справедливости составляют часть политической культуры общества и индивида. И в этом смысле справедливость как социально-политический механизм, включающий социально-политические, моральные нормы и принципы организации жизненного пространства человека и общества, регулирует процессы гармонизации интересов различных общностей и граждан в рамках этого жизненного пространства. Показателем уровня справедливости политического пространства и его организации является и распределение основных прав и обязанностей, направленность национальной политики, отношение к некоренному населению, различным конфессиям, женщинам и т.п., т.е. феномен справедливости, представление о ее сущности оказывает большое влияние в целом на развитие современной цивилизации. Политический опыт многих стран свидетельствует, что легитимность диктатуры (любой) не может быть долго-

вечной, так как она противоречит справедливости. В данном утверждении можно усмотреть некоторое противоречие социально-политической практики. В те или иные периоды истории государств возникала объективная необходимость в жесткой власти именно для восстановления справедливости, причем народ эту власть поддерживал (Германия, 30–40-е гг. XX в. – чувство национальной ущемленности, вызванное поражением в войне; Царская Россия, СССР – конец 20-х – начало 30-х гг. – бесправие народа, вызвавшее революции XX в.; необходимость восстановления и укрепления страны после гражданской войны перед лицом растущей внешней угрозы и обеспечение социальной справедливости; Франция, 1958 г., – режим Шарля де Голля перед угрозой фашизации страны и т.д.), т.е. механизм социальной справедливости на каком-то этапе развития может сплотить социально-дифференцированное общество, несмотря на разные ценностные ориентации во имя какой-то более значимой и масштабной цели.

Подобные противоречивые моменты, связанные со справедливостью как социальным механизмом, присутствуют в рассуждениях Д. Сороса [15, с. 218–223], который подчёркивает, что с рыночными механизмами можно сопоставить политический процесс и другие процессы в рамках общественной системы. Здесь два взаимосвязанных момента: во-первых, в связи с распространением меркантильных ценностей и их влиянием на политику политический процесс менее эффективно обслуживает общественные интересы, чем когда люди более чувствительны к социальным ценностям или «гражданской добродетели»; во-вторых, политический процесс менее эффективно корректирует собственные эксцессы по сравнению с рыночным механизмом. Эти моменты подкрепляют друг друга: рыночный фундаментализм подрывает демократический процесс и, наоборот, эффективный политический процесс не служит аргументом в пользу рыночного фундаментализма. Предполагается, что демократия обеспечивает механизм для выработки коллективных решений, которые наиболее полно отвечают интересам общества, позволяя добиться той же цели, которая достигается с помощью рыночных механизмов при принятии индивидуальных решений, т.е. граждане избирают представителей, сообща принимающих коллективные решения путём голосования (принцип представительной демократии). Политическое пространство, организованное на принципах демократии, предполагает честность, добропорядочность так же, как понятие совершенной конкуренции (рыночный механизм). Но здесь есть очень интересный нюанс: желая быть избранными, кандидаты говорят то, что хотят услышать избиратели, но система предусматривает возможность снятия с должности в случае невыполнения кандидатом своих обещаний, т.е. сохраняется близость к равно-

весным условиям, так как избиратель может исправить ошибку в ходе следующих выборов. Политическое пространство может деградировать, если избиратели перестают реагировать на обман, а деградацию можно считать завершённой, когда в дело вступают деньги. Соотношение выгоды и социальной справедливости – труднейшая моральная проблема, и сложность в том, что в данном случае «правильное» сопоставляется с «неправильным». И там, где налицо такой конфликт между правильностями, возникает вопрос: а каким должен быть баланс обязательств и ответственности? [16, с. 343]. Это свидетельство упадка жизненных сил человека и общества. При этом социальные ценности, без которых общество не может существовать, среди них и справедливость, уступают место рыночным ценностям, которым в современном обществе придали статус социальных, но они не способны выполнять эту функцию, так как предназначены для принятия индивидуальных решений в условиях конкурентной внешней среды жизненного пространства и плохо подходят для принятия коллективных решений в ситуациях, предполагающих сотрудничество наряду с конкуренцией. «Подменять меркантильными ценностями все прочие ценности – значит толкать общество в направлении опасного дисбаланса и подавлять человеческие чаяния» [15, с. 227].

Такое смешение функций подорвало процесс коллективного принятия решений, т.е. рыночные ценности не могут заменить общественное сознание (гражданские добродетели). Поэтому, как отмечает Ж.Т. Тощенко, социальный механизм рыночных отношений требует особого внимания, так как в сознании и поведении людей он часто ассоциируется с социальной несправедливостью, а экономисты игнорируют такой важный аспект, как восприятие и оценка человеком мира социальных реальностей, социального настроения, без чего невозможны многие изменения в структуре жизненных сил и жизненного пространства, особенно в случаях, когда пересекаются политика и деловые интересы, здесь есть опасность, что политическое влияние будет использоваться в деловых целях (лоббирование, коррупция) [17, с. 178–179].

Возможен ли водораздел между законным и незаконным и действие механизмов социальной справедливости? Во-первых, происходящие в мире изменения вызывают искажение социальных представлений. Например, уровень национального производства может повышаться и люди удвоят свои жизненные доходы, но жалобы будут; появление большего числа обеспеченных, претендующих на товары и привилегии, изменят характер привилегий и благ. Поэтому важно определить, какие привилегии и удобства сегодня, завтра потребует большинство, и это разнообразие удобств, рост их числа поможет понять характер социальных и политических потребностей будущего.

Социальные изменения меняют и характер организаций, увеличится число иерархий, что создаёт новые проблемы координации [16, с. 431], т.е. социального механизма, который мог бы оценить эти изменения и способствовать возрастанию ЖСЧ. Таким образом, разделительная линия отодвинулась за грань, которую избиратели считали допустимой, а отсюда разочарование действиями политиков и поиск новых механизмов восстановления равновесного состояния.

Во-вторых, в условиях изменения содержания и сущности жизненного пространства в целях усиления жизненных сил человека актуализируется проблема формирования гражданина, осознающего свои интересы и способного транслировать их во внешнюю среду через свое поведение, понимающего при этом грань между добром и злом в широком смысле. Это означает, в том числе, необходимость возвращения высокого статуса моральным принципам.

Итак, традиционное представление о социальной справедливости в современном мире претерпевает изменения в русле новой формирующейся виталистской парадигмы, основу которой составляет концепция жизненных сил человека, что актуализирует проблему справедливости как социального механизма, обеспечивающего развитие жизненных сил человека, расширение его жизненного пространства (социального, экономического, политического, духовного), при этом особое значение имеет политическое пространство и его эффективная организация, которая способствует достижению консенсуса и предотвращению конфлик-

та, разделяющего общество и открывающего путь к подавлению и репрессиям. Особо следует отметить такие составляющие справедливости как социального механизма:

– ответственность перед обществом, а именно – перед жителями районов, где размещены предприятия, за окружающую среду; за создание лучших условий жизнеосуществления; за моральные проблемы;

– информация как основной ресурс и источник силы, влияющий на ЖСЧ;

– профессионализм как критерий общественного положения и принцип принятия важных решений, влияющий на качество жизненного пространства, обеспечивающего ЖСЧ;

– система духовных ценностей;

– функционирование принципов социальной справедливости;

– процесс взаимодействия социальных групп как субъектов жизненного пространства;

– система образования и воспитания по формированию политической и правовой культуры, что способствует усилению ЖСЧ и общества и дальнейшему социальному прогрессу.

Таким образом, справедливость как социальный механизм представляет собой взаимодействие социальных субъектов в удовлетворении потребностей по поддержанию жизненных сил и деятельного существования людей во все более полном осуществлении субъектной роли человека в современном жизненном пространстве.

### Библиографический список

1. Платон. Государство // Платон. Соч. – М., 1981. – Т. 3.
2. Аристотель. Этика // Аристотель. Соч. – М., 1983. – Т. 4.
3. Цицерон. О старости, о дружбе, об обязанностях / Цицерон. – М., 1993.
4. Мор, Т. Утопия / Т. Мор. – М., 1988.
5. Руссо Ж.-Ж. Трактат / Ж.-Ж. Руссо. – М., 1969.
6. Монтескье, Ш. О духе законов : избр. пр. / Ш. Монтескье. – М., 1995.
7. Боуз, Д. Либертианство: история, принципы, политика / Д. Боуз. – Челябинск, 2004.
8. Григорьев, С.И. Справедливое же состоит в справедливости и несправедливости в советском обществе : размышления экономиста и социолога / С.И. Григорьев, Г.Я. Иньшин. – Барнаул, 1990.
9. Социологическая концепция / под ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Дёминой. – Барнаул, 1999. – Т. 1.
10. Социология на пороге XXI века: новое направление исследования / под ред. С.И. Григорьева, Ж. Коэнен-Хуттера. – М., 1998.
11. Григорьев, С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего / С.И. Григорьев. – Барнаул, 2001.
12. Политология : энциклопедический словарь / под ред. Ю.И. Аверьянова. – М., 1993.
13. Соловей, В.Д. Россия накануне Смуты / В.Д. Соловей // Свободная мысль. – 2004. – №12.
14. Ещё раз о «Смутном времени» // Свободная мысль. – 2004. – №12.
15. Сорос, Д. Кризис мирового капитализма / Д. Сорос. – М., 1999.
16. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., 1999.
17. Тощенко, Ж.Т. Социология. Общий курс / Ж.Т. Тощенко. – М., 2001.